

№ 5 ЛЕК 1968

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА ЛЕНИНА

КОМАНДИРОВКА В СОРОК ВТОРОЙ...

Фото А. Коледы.

КОМПОЗИТОР Богатырев возвращался из командировки. Из обычной служебной поездки в Москву. И все было, как обычно. Стучали на стыках колеса, привычно покачивало вагон, и с коротким разногласным шумом пролетали невидимые в июльской ночи виадуки, мосты... Все, как обычно.

Вот только в вагоне было слишком тесно. И поезд шел не в Минск, а в Свердловск. И ни одного огонька за окном. Только где-то на дальней окраине города скользящие лучи прожекторов и сполохи зениток нарушали однообразие ночи.

Поезд шел медленно, уступая дорогу воинским эшелонам, и нельзя было понять, то ли давно уже осталась позади Москва с ее прожекторами и зенитками, то ли просто после налета наступило затишье. Но когда стало светать, композитор по каким-то неуловимым приметам определил, что поезд уже где-то в глубине России... В вагоне было тихо, люди забылись предутренним сном, и только в соседнем купе негромко разговаривали — кто-то рассказывал случайному собеседнику о горькой своей судьбе, такой обычной в сорок втором... Уже настолько рассвело, что можно было читать. И Анатолий Васильевич вспомнил, что когда он уходил из дома на улице Грицевец, где теперь размещалось белорусское правительство, кто-то молча передал ему номер республиканской газеты. Композитор знал, о чем этот номер, и все не решался развернуть серый листок в четверть довоенного формата, на котором так непривычно было видеть знакомый заголовок — «Савецкая Беларусь». Но рано или поздно...

Вот он лежит, этот номер газеты, целиком уместаясь на вагонном крохотном столике. И с первой полосы смотрит знакомое лицо знакомого человека. Ни газетная ретушь, ни серое однообразие печати не смогли скрыть его трагических мыслей. После войны, пожалуй, не надо писать монографий о том, как любил соноград белорусский поэт Янка Купала, — красноречивее тысяч страниц мог об этом поведать серый снимок в газете «Савецкая Беларусь» за 2 июля 1942 года...

Весь номер был посвящен памяти Янки Купалы. И только на последней полосе, внизу, в маленькой заметке сообщалось, что в Белоруссии на территории Н-ского района созданы три новых партизанских отряда. — «Смерть фашизму!», «Смелый», «Быстрый»... А под портретом поэта, как его последний наказ, как напутствие трем этим отрядам, и тем, что были созданы до них, и тем, что появятся после, — строки стихов:

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте свору окайанных,
Свору черных псов войны.

Он был композитором и не мог не заметить тревожной музыки этих стихов. Она возникала в созвучиях строк, как в памяти возникали видения пережитого — дым над деревнями, самолеты, идущие со стороны заходящего солнца, и взрывы на многолюдных дорогах... Композитор знал, что стихи написаны еще в сорок первом и давно уже ходят по белорусской земле. И если создать музыкальное произведение, примут ли его так, как принимали стихи в каждой хате, в каждой землянке, — с горьким комом у горла, с сухими глазами и с поблывшими на ложе приклада пальцами... И что это должно быть? Песня? Кантата?..

А в Свердловске его окружил привычный вихрь забот, нахлынули дела — их за это время порядочно собралось у проректора консерватории Богатырева — и

все первостепенные, важные, срочные. И казалось иногда величайшей несправедливостью, что в сутках всего только двадцать четыре часа.

Но он был композитор. Прежде всего композитор. А это значило, что даже если бы стало вдвое больше хлопотных дел, то и тогда не прервалось бы творчество. Именно здесь, в Свердловске, до предела загруженный работой в консерватории, принявшей под свою крышу не одно учебное заведение, композитор создал кантату «Ленинградцы» на слова Джамбула, фортепианное трио, первый акт оперы «Надежда Дурова», несколько вокальных произведений.

Летом 1943 года кантата «Партизаны» прозвучала в записи по Всесоюзному радио. Потом ее повторили еще раз. И с этого дня до освобождения Белоруссии почти ежедневно ее передавала в эфир одна из советских радиостанций.

А композитор Богатырев уже работал над оперой «Надежда Дурова». И он твердо знал, что опера будет поставлена там, в Минске, в Белорусском государственном театре оперы и балета. И тот день недалек: его, бывшего председателя правления Союза композиторов БССР, отозвали в Москву — восстанавливать организацию белорусских композиторов.

Однажды зимой ему позвонил кто-то из знакомых и поздравил. Богатырев удивился, с чем? «Вы еще не знаете? Тогда — до утренних газет».

А утром в «Известиях» он прочел Указ Президиума Верховного Совета СССР. «В ознаменование 25-й годовщины БССР, за достижения в развитии народного хозяйства, культуры, науки и искусства и за выдающиеся успехи в организации партизанской борьбы против немецко-фашистских захватчиков...». В списке награжденных орденом Ленина первой стояла фамилия композитора Богатырева Анатолия Васильевича.

Орден Ленина... Композитору было немногим более тридцати. Годы его молодости пришлось на нелегкое время, которое требовало от человека всего, что он может, и даже большего. И он делал все, что мог. В двадцать лет его приняли в Союз композиторов БССР, в двадцать пять избрали председателем союза, в двадцать девять его оперу «В пущах Полесья» удостоили Государственной премии.

...С того зимнего утра в Москве прошло более четверти века. И было в эти годы все, что должно быть у большого художника, — была работа, много работы, были дни сомнений и раздумий, были дни успеха, овалов, наград... И бывали дни, когда думалось, уснуть ли? Как слышали некогда одно из его произведений. Опус такой-то...

Там, в Москве, на Всесоюзном радио, ему показали однажды пачки писем. Их было много, и все они пришли из Белоруссии, из партизанских лесов. И все об одном: люди просили повторить по радио кантату «Партизаны». Где, каким образом могли они ее слышать? Собирались ли они в партизанских землянках у батарейных приемничков или слушали ее по военным рациям, Богатырев не знал. Но партизанские треугольники и конверты красноречиво свидетельствовали о том, что кантату слушала вся Белоруссия.

И с тех давних-давних лет хранит композитор серый газетный листок, словно бессрочный пропуск в молодость, в сорок второй.

В. ХАЛИП,
соб. корр. «Советской культуры».
МИНСК.